

[ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ]

Аполлону МАЙКОВУ –

200 ЛЕТ

Марианна ДУДАРЕВА

ОТ ТЬМЫ К СВЕТУ.
ВСПОМИНАЯ
АПОЛЛОНА МАЙКОВА

Аполлон Николаевич Майков, 200 лет со дня рождения которого мы отмечаем, прошёл трудный путь в литературе: прижизненная критика к его творчеству относилась по-разному (противоречивость взглядов Н. Страхова, Н. А. Добролюбова), первое собрание сочинений было издано посмертно (1901), сам поэт был крайне строг в своих оценках на свой счёт. Однако Майкова по праву считают одним из главных поэтов послепушкинского периода, о чём ещё в 1896 году писал в своей энциклопедической статье «Майков (Аполлон Николаевич)» Вл. Соловьев, хотя философ тоже двойственno оценил художественный мир поэта: «Поэзия Майкова отличается ровным, созерцательным настроением, обдуманностью рисунка, отчётливостью и ясностью форм, но не красок, и сравнительно слабым лиризмом»¹⁶. Позволим себе не вполне согласиться со строгостью критической оценки. Иногда важнее полутона, интонации, игра света и тени, которая организует пространство произведения.

16 Соловьев, В. С. Майков (Аполлон Николаевич) // Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. – С. 549.

Так, в стихотворении, написанном за десять лет до смерти, под характерным заглавием «Ex tenebris lux» (1887), что дословно переводится как «свет из тьмы», А. Майков являет нам онтологическую формулу *прорыва от тьмы к свету*, возможности выхода из смерти:

Скорбит душа твоя. Из дня –
Из солнечного дня – упал
Ты прямо в ночь и, всё кляня,
За смертный взялся уж фиал...¹⁷

Поэт изобразил состояние человека, находящегося *перед лицом смерти*, готового упасть в ночь, в мировую бездну. Но эта бездна апофатична, это Ungrund, о чём писал в немецкой философии мистик Бёме, а на русской почве эту идею развил в своих работах религиозный философ Н. Бердяев. Владимир Янкелевич в своей известной работе «Смерть» так описывает это состояние: «Термин Ungrund у Бёме, может быть, выражает это таинственное соединение противоречий: тот, кто даёт основание истине, сам бездонен, т. е. лишен основания, или, скорее, является первичным основанием только потому, что сам беспочвенен»¹⁸. Однако эта апофатическая традиция *света вечернего и невечернего*, существования Тьмы и Света обнаруживается во всех мировых культурных традициях. Авторы статьи «Свет вечерний и свет невечерний» подробно описывают мифологему *светотьмы*, рождения света во мраке: «Среди именований Христа встречается “невечерний свет”, то есть незакатный, негаснущий вечный свет. Это образ торжественный и апофатический»¹⁹. Однако Н. В. Брагинская и А. И. Шмаина-Великанова упоминают в своей работе, например, и суфийскую традицию, в которой находим явление светового человека, то есть духовного *незримого* проводника суфия на пути тариката, и этот образ духовного водителя – тоже апофатический.

Низами Гянджеви, классик персидской поэзии, 880-летие которого мы празднуем в этом году, писал в одном из своих поэтических наставлений:

Если белый цвет исчезнет, не жалей его нисколько,
Захлестнёт все страны света цвета чёрного аркан²⁰.

И дело здесь не только в том, что, например, суфийская традиция, которую представляет поэт, повлияла и на русскую литературу, поэтов «чистого искусства», А. Фета, близкого эстетически и духовно Майкову, но и в самой *апофатической парадигме* мировой культуры. Мы привыкли недооценивать Тень, по словам немецкого философа Мартина Хайдеггера: «Обывательское мнение видит в тени только нехватку света... тень есть явное, хотя и непроницаемое свидетельство потаённого свечения»²¹.

Тьма амбивалентна, чёрный цвет наделён двойственными коннотациями. Неслучайно этот колоратив связан с золотым цветом в культуре (см.: *песочки жёлтые* в русской погребальной обрядности; *Чёрные ворота* в Дрездене, через которые прошёл свой инициационный путь студент Ансельм в «Золотом горшке» Гофмана; *черепов златохвойный сад* Есенина из поэмы «Кобыльи корабли», образ чёрного солнца у Шолохова и Шмелёва и т. п.).

17 Майков, А. Н. Сочинения в двух томах. – Т. 1. – М.: Правда, 1984. – С. 273.

18 Янкелевич, В. Смерть. – М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 1999. – С. 69.

19 Брагинская, Н. В., Шмаина-Великанова, А. И. Свет вечерний и свет невечерний // Два венка:

Посвящение Ольге Седаковой. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. – С. 73.

20 Низами, Г. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худ. лит., 1985. – Т. 1. – С. 30.

21 Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 62.

Майков остаётся верен на каком-то интуитивном уровне этой апофатической традиции, которая выступает не логическим, а *культурологическим априорным условием* для его творчества:

Нет! Погоди!.. В ту тьму вглядись:
Вон – огонек блеснул... звезда...
Другая... третья... Вон – зажглись
Уж мириады... Никогда

Ты не видал их?.. Но постой:
Они бледнеть начнут – и тень
Пойдёт редеть – и над тобой
Внезапно развернётся день...

Этот прорыв *от тьмы к свету* характерен и для русского фольклора, в особенности для русской сказки с её иномирной парадигмой, эстетикой поиска «иного царства». В русской сказке существует иерархия трёх царств, медного, серебряного и золотого, и самое интересное то, что эти топосы высшей модальности расположены под землёй, они представляют «тот свет». Значит, чтобы достичь высших сакральных знаний, добыть вещую невесту, волшебный предмет, нужно спуститься в «иное царство», пересечь границу *видимого*. В начале XX века лекции о русской сказке, внутреннем устройстве, а также об аксиологическом её назначении читал философ Е. Н. Трубецкой. С этим посещением «того света» и связано отречение от себя прежнего, которое достигается через смерть, её преодоление, и, конечно, смерть в этом случае носит временный характер (мотив смерти – космического возрождения / вознесения в русских заговорах, в русских разбойничих виселичных песнях, в которых смерть представляется как свадьба). Если говорить серьёзно о фольклорной традиции в творчестве Майкова, а этот разговор здесь неизбежен (фольклор является богатейшим источником апофатического в культуре²²), то стоит учитывать мнение специалистов – Е. Ю. Косяковой, автора диссертации «Жанрово-стилевое своеобразие творчества А. Н. Майкова и проблемы фольклоризма»: «Фольклоризм А. Н. Майкова связан со всей системой его представлений о народе, национальных истоках русской литературы»²³. Это важное размышление заставляет поставить и теоретический вопрос о формах проникновения фольклорной традиции в литературу, внешних и внутренних. И далее исследователь отмечает: «А. Н. Майков, как истинный православный человек, подчёркивает, что смертью человека его существование не заканчивается и каждому воздаётся по его заслугам»²⁴. Действительно, стихотворение, название которого вынесено в заглавие данной статьи, свидетельствует о том, что смерти нет – для русского человека, русского художника слова, чьё авторское художественное бытие инспирировано архаическими представлениями о мире, уж точно нет:

Им осиянный, разом ты,
Уже измерив бездну зол,
Рванёшься в горни высоты,
Как солнца жаждавший орёл!

Из бездны, из Ungrund, проистекает свет. Начало стихотворения нас пугает или по крайней мере настораживает – из солнечного дня мы падаем в ночь, – но в конце осуществля-

22 Михайлова, М. Ю. Художественная апофатика русского фольклора // Вестник Башкирского университета. 2016. – Т. 21, № 2. – С. 472-476.

23 Косякова, Е. Ю. Жанрово-стилевое своеобразие творчества А. Н. Майкова и проблемы фольклоризма: дис.... ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010. – С. 166.

24 Там же.

ется в онтологическом плане прорыв в горнее. В других стихах того же периода «Милых, что умерли...» (1883), «Смерти нет! Вчера Адонис...» (1887), «Мёртвая зыбь» (1887) и прочих мы находим ту же идею жизни вечной, преодоления смерти и мысль о том, что смерть – освобождение, в смерти человек остаётся сопричастным предкам и потомкам *одновременно*:

Вот уж и гроб!.. и она
Тихо лежит меж цветов...

<...>

Плачут – она ж и теперь
Им улыбается... Да!
Да, улыбается им...
О, беспощадная смерть!

Аполлон Майков, поэт «чистого искусства», образующий поэтическую триаду вместе с А. Фетом и Я. П. Полонским, – безусловно, поэт *апофатического пути*, обнаживший для нас своим творчеством глубины бытия, *бездну*, в которую не страшно заглянуть, поскольку художник слова смело нам напоминает о том, что смерти нет.